

КАРТИНАХ

При слове «провинция» встают перед глазами столичных читателей картины покосившихся заборов и изб, и сиротливого клуба с завклубшей в причёске «а-ля 90-е», подпоясанной пуховой шалью, нахохлившейся за каким-то клубным талмудом. Это – о ближней провинции. Чего уж говорить о дальней, о нашей, о забайкальской. Благими намерениями езезжих доброхотов рисуется Забайкалье как край каторжных, ссыльных и беспросветного АУЕ (молодежное «эзковское» движение в поддержку «общака»), в СМИ вообще не принято говорить о светлом, «чернуха» занимает почетные рейтинговые места.

А я расскажу о другом Забайкалье, которое вижу каждый день со дня своего рождения, которое люблю до кипучих слез на глазах, куда стремлюсь скорее, если случается вдруг куда-то уехать.

Это – серия очерков о наших людях, о наших талантах, праздниках, нашей истории.

Восемь лет назад в селе Улёты прошла первая персональная выставка начинающего художника, одного из самых, пожалуй, старательных и одарённых учеников художественного отделения Улётовской детской школы искусств – Саши Богомазова. Ходили тогда люди по залу и диву давались: совсем юный парнишка писал уже довольно умело, картины, что называется, цепляли.

И вот в сентябре в райцентре Улёты проходит его вторая выставка. Кстати, она немного юбилейная для художественного отделения: уже пятая. Преподаватель художественного отделения Марина Владимировна Зезина считает, что райцентр – не то место, где не может быть выставок. И с удовольствием их проводит, выставляя на суд зрителей работы сельских художников. И что самое приятное: люди на них активно ходят, восторгаясь успехами своих земляков.

Искусство живописи очень честное, если можно так выразиться. На сцене можно спеть под «фанеру» и сорвать аплодисменты. С живописью этот номер не проходит. Для того, чтобы у картины восторженно замер зритель, нужно работать. И сама по себе работа – ещё не факт, что картины будут любоваться. Ведь именно тут и проявляется то, о чём порой говорят: «Господь его в макушку поцеловал» (так сказала одна из почитателей Сашиного таланта в этот день). Наверное, есть тут и providение Божие. И может, сама фамилия по звала Сашу в этот мир – мир живописи, ведь исстари богомазами на Руси звали иконописцев, художников.

В общем, на сегодняшней персональной выставке Саша не просто «Саша», а Александр Юрьевич, не ученик, а уже преподаватель нашей районной «художки». Окончив отделение живописи в Краевом училище искусств г. Читы, проучившись там 4 года, он возвращается в Улёты. Годы эти показались долгими. Саша застенчиво улыбается: «Не нравится мне в городе, в коробках этих каменных. Домой хотелось, в свои излюбленные места». Какие это места, даже спрашивать не нужно: вот они все, узнаваемы, пронизаны солнцем, светом забайкальским.

Перед началом выставки «украла» его у начинающих подходить зрителей, чтобы чуть-чуть поговорить о его творчестве.

– Родился, учился, ходил в школу я в Улётах, – начинает Саша. – С младших классов пошёл в художественное отделение нашей ДШИ. Первые четыре года учился у Оксаны Александровны Рябиной, а затем у Марины Владимировны Зезиной. Не скажу, что прямо с малолетства тянулся к рисованию. Но годам к 14 пришло осознание, что это моё. Мне нравилось, что у меня что-то получается, нравилось искать какие-то варианты цвета, технику письма.

Больше всего люблю писать пейзажи. Портреты получаются хуже, – скромничает он. – Из времён года больше люблю писать весну, момент пробуждения природы. Есть и любимая картина – «Берёзы в лучах заката»

– А почему не остался в Чите?

– Да не люблю я город. Мне там плохо от всех этих коробок, – признаётся он. – Здесь, в какое окно не выгляни, мои любимые пейзажи, яркие краски, садись и пиши. В городе у меня так не получается. Натура не та. В Улётах я работаю уже с прошлой зимы. Доучил класс, который мне дали, а в этом году дали уже свой. Дети все разные, но есть и способные, хочется им передать свои навыки.

– А почему предпочёл традиционную манеру подачи пейзажа, реалистичную? – задаю я вопрос, который вечно меня мучает.

– Есть, конечно, те, кто ищет новые формы подачи, но мне больше нравится именно такая, – рассказывает Саша. (Я не великий знаток живописи, но убеждена, что в кубизм и абстракционизм впадают те, кто просто не умеет правильно передать ощущение от той гармонии, что есть вокруг нас.)

А потом мы вышли в фойе СДК «Ингода», где была развернута экспозиция его картин. Уместно тут сказать, что всё утро я крутилась по улицам, окраинам райцентра, и не могла наглядеться на наши места. И в это солнечное утро я считала, что Осень – самый талантливый художник! Правда, картины Осени сколь удивительны, столь и недолговечны.

А здесь, в зале выставки, становится очевидно: Осень – не самый талантливый художник. Недолговечны её картины. И охра, и бронза осыпаются даже с самых роскошных полотен. А в зале на стендах – то, что останется нам всем надолго. И моя любимая осень, и Сашины вёсны, пронизанные солнцем, с трогательной и беззащитной веточкой багульника. И царяпнувший по сердцу старик возле неказистого жилья, щемяще одинокий и ненужный, как металлолом сзади за ним. И очаровательная незнакомка, смело глядящая нам всем нам в глаза. (Не увидела здесь «портретной неумелости», о которой скромно говорил Саша.)

Зрители с восторгом узнавали свои любимые места – берёзы за мостом, и сам мост – зимой, осенью. Узнавали и восхищались, что самый привычный сердцу вид вдруг оказался на полотне.

Самое крупное полотно – федеральная трасса между Черемхово и Татаурово. Там действительно очень пейзажное место: красиво и утром в туманном одеяле, вяло сползающем с реки, и вечером, когда закат раскрашивает в причудливые краски и реку, и небо. И, конечно, настоящий художник не мог проехать мимо такой красоты просто так. Наверняка, во время своих ещё студенческих поездок Саша заметил этот чудесный уголок и воплотил его на холсте. И люди с удовольствием фотографировали и картину, и фотографировались сами на фоне этой удивительной красоты.

Александр прав. Городские пейзажи смотрятся у него сурово и аскетично, а вот наши, сельские, дарят столько радости взгляду, что я просто поразились, как не стал читать свои стихи наш автор Владимир Васильевич Пищугин, который вышел поздравить молодого художника с персональной выставкой:

– Такие картины нужно брать в иллюстрации для публикации в книгах, – порекомендовал он, и попутно обратился за помощью в издании своей книги, где рассказывает о наших сельских самородках-художниках.

«Праздник удался» – только так можно сказать об открытии выставки. И живописца, и его учителя М.В. Зезину, все тепло

поздравила и пополнялась новыми записями, а почитатели Сашиного таланта делились своими впечатлениями, стоя рядом с ним, поздравляли, дарили цветы.

И Сашины «Берёзы в лучах заката» никого не оставили равнодушными. Ещё и солнышко с улицы так падало на картину, что, кажется, что берёзовые свечи вот-вот просто загорятся неярким тёплым светом от наших солнечных забайкальских щедрот, и будут дарить свет Улётам, виднеющимся на заднем плане картины.

А ещё мне показало, что все картины освещены не только солнцем, но и теплом улыбки Саши. Она у него какая-то по-детски светлая и чистая, очень напоминает улыбку его мамы. К великому сожалению, её уже нет, но уж совершенно точно где-то там, наверху, она радовалась успехам своего Саньки.

Дай Бог, чтобы не замутился его чистый и добрый талант в мутных житейских волнах. Я верю, что это — начало большого пути в живописи, и все улётовцы еще будут гордиться, что приходили на его первые выставки.

РОДНИК ПОД НАЗВАНИЕМ РУСЬ

Вот и отшумела, как бурливый Чикой, юбилейная пятая «Семейская круговая» фестиваль семейских традиций. Почти всё лето я жила ожиданием этого события — и радостного, и грустного. Ведь впервые за эти годы проходила она без самого главного, на мой взгляд, духовного её вдохновителя — Татьяны Михайловны Зенковой.

А раз уж он проходил в пятый раз, в юбилей он заметно расширил свои границы. Во-первых, проходил он под знаком «Семейская круговая» собирает друзей». Поэтому помимо многочисленного семейского люду, были представлены семь национальностей Забайкальского края — Эвенкийский семейный вокальный ансамбль Кутончиных с. Верх-Усугли Тунгокоченский район, буряты — народный фольклорный ансамбль «Этигэл» пос. Агинское, немцы — Читинская городская общественная организация российских немцев «Хофнунг» Надежда, армяне — Региональная национально-культурная автономия армян г. Читы, башкиры — Региональная общественная организация башкир Забайкальского края «Королтай», татары — культурно-просветительский центр «Чишма» (Родники), которые приехали небольшими коллективами для представления своих диаспор и выделялись необычными национальными костюмами из привычного уже семейско-сарафанного многоцветья.

А ты по-прежнему сияешь

Началась «Круговая» в пятницу, 24 августа, вечером памяти Татьяны Михайловны Зенковой — исследователя-этнографа забайкальского песенного фольклора,

Заслуженного работника культуры РФ, кандидатки культурологии. Несмотря на столь важные звания, была она абсолютно простой, земной женщиной, к которой тянулись все, как к тёплому огоньку.

На творческий вечер собрались самые близкие по духу коллективы. Звучали её любимые песни в исполнении фольклорных коллективов «Живая старина» (Чита), «Читинская слобода» (с. Засопка), «Берегиня» (с. Красный Чикой), «Селяночка» (с. Верх-Чита) и других. Со слезами на глазах вспоминали неумолимо собирающую фольклора практически все выступающие артисты. Каждый считал, что именно их коллектив был её любимым, именно она дала толчок к творчеству. Слушала их и удивлялась — откуда у неё хватало тепла на всех. Сколько у неё друзей в разных концах нашей страны!

Романс «Прости, звезда», казалось, был написан исключительно для этого случая (хотя вообще-то считается песней каторжной). Он был трепетно исполнен группой «Читинская Слобода» в память об этой удивительной женщине:

*Звезда, прости! Пора мне спать,
но жаль расстаться мне с тобою,
С тобою я привык мечтать,
а я теперь живу мечтой...
А ты, волшебная звезда,
неизменяемая, сияешь,
Ты сердцу грустному
всегда о лучших днях напоминаешь.*

И исполнители, и зрители не могли сдержать слёз во время этого романса.

Была презентована Инной Германовной Кузнецовой и новая книга Татьяны Михайловны «Сохранение, изучение и использование народной песенной культуры Забайкальского края: конец XX — начало XXI века».

Сигнальный экземпляр её она ещё успела посмотреть и подержать в руках, а весь тираж, увы, уже не увидела. И в этой книге Татьяна Михайловна с таким добром и теплом говорит о всех своих учениках, единомышленниках, что становится понятно — любимых коллективов у неё не было.

Я помню, как она отбирала фотографии в эту книгу, боясь, что хоть одного человека упустит и не расскажет о нём, как дописывала последние главы, прибавляя шрифт до гигантских размеров, потому что зрение катастрофически падало. Мы сидели рядышком. Я брала последнее у неё интервью, а она просила помочь там, где совсем уже не видела текста. Знала, что обречена уже (жить ей оставалось меньше двух месяцев), и потому стремилась успеть...

Как же важно для неё было оставить этот труд, учебник по этнографии, доступный по содержанию для каждого, занимающегося традиционной культурой.

Вечер завершился: с экрана сама Татьяна Михайловна рассказывала о том, почему она пришла в фольклор, в традиционную культуру (запись с её юбилея), делилась своими мыслями о том, как сохранить все бесценные кладези народной мудрости и, казалось, напрямую обращалась ко всем нам, сидящим в зале: «Не предавайте подлинную русскую песню!» Стоя,

под дождем несомненные аплодисменты, провожали зрители взглядами экран, с которого на всех глядели чистые, доверчивые глаза Зенковой.

Доставай каравай, «Круговую» открывай!

Второй день начался с тумана, упавшего в улентуйский распадок плотным одеялом. Несмотря на такое «одеялко», за ночь многие, ночевавшие в палатках и автомобилях (мест для всех желающих, конечно же, не хватило), подмёрзли.

Но, как сказала бессменная участница Вера Ивановна Андреевская, грех жаловаться, ведь одна благодать кругом. С её легкой руки чикойцы показали обряд «отжинки». Зрители увидели «Завивание бороды». Так на Руси обращались к славянскому божеству Илье-бороды с просьбой о хорошем урожае в следующем году. Неповторимый говор Веры Ивановны, естественность и обрядовые песни надолго запомнились всем гостям.

Начальствующий люд открыл торжественную страницу праздника. Всего на торжественное открытие юбилейного каравайного V Международного фестиваля культуры семейских-старообрядцев «Семейская круговая» на территории детского оздоровительного лагеря «Лесная сказка» собрались более 600 гостей (коллективов-участников) из разных районов Забайкальского края, Республики Бурятия, Китая, а уж сколько слушателей — и не сосчитать.

Привитые фольклором

И «Круговая» начала набирать обороты. В первый день традиционно проходили конкурсы. Членами жюри конкурса «Наше наследие» были художественный руководитель ансамбля «Оберег», преподаватель краевого училища культуры Ольга Куликова, заведующая отделом традиционной культуры Учебно-методического центра культуры и народного творчества Алёна Филатова, гость из Новосибирска, известный педагог-фольклорист, научный сотрудник Центра русского фольклора Вячеслав Асанов.

Кстати, Вячеслав Владимирович — тот самый человек, который когда-то, как выразилась Татьяна Михайловна, «перевернул мне все мозги наоборот и сделал прививку фольклором».

И конкурс творческих коллективов начался. Коллективы сменяли друг друга, радовали настоящей стариной. Поражали дети. Зрители уже привыкли, что пожилые поют правильно и грамотно с точки зрения специалистов. Но когда со сцены абсолют-но верно и, порой, ещё грамотнее, чем у взрослых, звучали детские голоса, то прямо душа радуется — так сказать, старая кваска дала жизнь новому тесту. И семейский каравай будет жить! В этой конкурсной программе впервые выступали артисты из нашего района — «Дешуланские узоры».

Сколько было у наших артистов сборов и страхов, и не выскажешь. Мало того, что песни надо отрепетировать, нужна была и презентация, и блюда семейской кухни. Пока готовились с утра к концерту в своём доме, рассказывали, что буквально накануне выдался тёплые денёчки. Почти все артистки пропадали до темна на покосе. «Вечером ни рук, ни ног, а надо готовиться».

Нужно было испечь стряпню для дешуланского стола, да ещё придумали сделать чуманы (берестяную посуду). Вспомнили забытое тёплые денёчки. Наготовили чумашков разной величины и даже поднос из бересты. А для конкурса традиций ещё и нарядили своё временное жилище: установили божничку, поставили дешуланскую семейскую икону, развесили по стенам вышивки — всё чин по комедии! Постарались, не подвели. Достоинно себя представили и спели песню.

Хотя исполнением своим дешуланцы были не очень довольны. «Мужика надо в группу, вон как с мужским голосом выигрывают коллективы. Да ещё страх какой-то обуял, как на сцену вышли».

На мой взгляд — зря приbedняются. Песня звучала ничуть не хуже других. Другой вопрос, что в этом конкурсе выиграть сложно: коллективы выступают знаменитейшие. У некоторых по 40-50 лет существования за плечами и, соответственно, традиций. А у наших, к сожалению, нет толкового, выученного по методикам Т.М. Зенковой специалиста. Если бы в МРУК разрешили вопрос о проведении мастер-класса с представителями традиционной культуры в районе, это было бы хорошим толчком для дальнейшего развития. У нас есть Юлия Сергеевна Лещенко, за плечами которой несколько лет работы в «Живой старине». Почему бы не использовать этот бесценный опыт? Или пригласить специалиста из ЗаБКУК для проведения мастер-классов?

Не мисс, а Хранительница

А потом начался другой конкурс — «Хранительница национальных традиций». На нём нужно было рассказать об интересных традициях и обычаях своего народа, продемонстрировать таланты, которыми обладают, представить народные традиционные костюмы и блюда национальной кухни. Самое сложное было в том, что всё это было нужно успеть сделать за три минуты! Кто-то уложился в эти минутки. Кто-то вырывался далеко за пределы этих рамок. Все представления были яркими, запоминающимися. А уж каких только блюд не отведали в жюри! Да и зрителям перепало: и чак-чак, и хворост, и шаньги всех сортов.

Дешуланцев представляла Алла Николаевна Нагаева. Тут уж она точно была в своей стихии, нисколько не стеснялась, говорила очень ярко, внятно, показав свой дешуланский говор. Стихами Марии Сергеевны Семёновой рассказала о своей семейской речи, стихами же представила два блюда: драчону и затирку, которую даже члены жюри не знали (пожилых в жюри не было).

Именно поэту Алле Николаевне была отмечена дипломом «За сохранение семейской речи и традиции». А после этого дешуланцы заняли ещё одно призовое место — за каравай. Этот диплом теперь у нашей группы, руководит которой Тамара Николаевна Михайлова, она же его представляла.

Очень рада, что мои земляки побывали на «Круговой». Во-первых, это неоценимый урок проведения праздников, а во-вторых, настоящая школа традиционного мастерства. Жаль, (ещё раз оговорюсь), что не было песенных мастер-классов. Было кому поучить. К примеру, среди гостей был заслуженный работник культуры Бурятии, заведующий кафедрой народного пения Восточно-Сибирского государственного института культуры, давний друг нашей Татьяны Михайловны, Николай Рециков (Улан-Удэ). И было кого поучить специфичному семейскому пению. Думаю, это будет поставлено на заметку организаторами.

Асановские вечерки

Ещё в лагере случилась вечерка. Конечно же, вечером, конечно же, массовая, потому что маэстро Асанов учил всех водить правильные хороводы. Ухороводил всех так, что потом не могли снять обутки с отёчных ног! Но всё равно все были довольны.

Ночной лагерь «Семейской круговой» ничуть не уступает дневному. Только концерты проходят не на сцене, а возле земля участников. Практически у каждого димика посиделки у костров, где живёт и бьётся в ночное звёздное небо песня. И кажется, летит она снизу, от сосен прямо в царство небесное. А Татьяна Михайловна там, вверху, улыбается и по привычке поправляет, если где-то неладно.

Кстати, днём, во время концертов, я старательно фотографировала участников. И поразила одной детали. Все «Танины» бабушки, с которыми она спешила обняться и расцеловаться в первую очередь на предыдущих фестивалях, как будто осиротели и состарились. Одна из них даже надела поверх парадного семейского костюма какой-то тёмный пиджачок и глазами все вроде свою Татьяну Михайловну искала. Побеседовала я с одной из таких старожилов, Анной Тихоновной Титовой. Ей 79 лет. Без слёз просто не может говорить о своей ненаглядной Михайловне: «Лет десять, а то и больше её знала. Бывало, приедет сюда, в Чикой, и бежит ко мне, домой, увидеться, погостить. Я тут выглядываю Наташу Решту, с нею она была, да узнать не могу», — горюет она. К счастью, специалисты Центра народного творчества после завершения праздника объехали многих певуны с фольклорной экспедицией.

А в воскресенье на территории лагеря царила «Золотая сотка», радуя глаз соленьями, вареньями, цветами. Обрамляла выставку «Частушечная» и «Песенная», рукодельные артели, создавая яркую атмосферу праздника. Солист «Читинской слободы» Александр Авдеев нарадоваться не может на подаренный ему ложгорез. И прямо на глазах у обступивших его зрителей шлифует ложку из сосны, попутно рассказывая, как этому научился.

Асанов о «Круговой»: это шикарный фестиваль!

Вячеслав Владимирович отметил, что в мире существуют всего три старообрядческих центра — Усть-Цильма на Печоре, Ветка в Белоруссии и в Красночикойском районе Забайкалья. «Первые два — весьма малочисленны. В Забайкальском крае огромная область проживания староверов. В силу своей замкнутости они лучше всего сохранили традиционную русскую культуру», — рассказал Асанов.

Он не скрывает своего восхищения: «Это шикарный фестиваль, я бы сказал, что такого больше нигде нет. В Алтайском крае я провожу фестивали, но там другой формат. А здесь очень массовое явление, широчайшее. Степень сохранения традиций высока, молодцы. Всюду поют, баян носят с собой, как камертон, зачастую его в стору, и верховенствует просто а капелльное пение. Молодцы. Я просто поражен этим фестивалем, ни минуты не сожалел, что сюда приехал. Бесконечно жаль, что не увиделся с Татьяной Зенковой вживую ещё раз. Но она оставила о себе самую песенную память».

Не стану здесь рассказывать об итогах «Круговой», они всюду опубликованы. Скажу только, что одних первых взрослых мест было шесть! А были ещё и детские номинации, и рукодельные. Это говорит о том, что жюри было сложно выделить самых-самых.

«Круговая» снова была массовой, яркой. Так ли важно, кто получил призовые места. Важнее, что атмосферой настоящей Руси напитались все, кто там был. Разъезжались со слезами на глазах и с твёрдым убеждением, что снова вернуться туда через два года.

Если у вас, дорогие читатели, вдруг возникло ощущение пустоты и потерянности в душе, — езжайте в Чикой, чтоб напиться из этого удивительного родника с названием Русь.

У всех своя дорога к Богу

Как приходят люди к вере? Мне всегда казалось, что идут люди в храм, когда тяжело, когда какие-то проблемы в семье, со здоровьем. Тогда человек и идёт к Богу. У всех по-разному. В прошлом году «Человеком года» стал настоятель Михайло-Архангельского храма с. Улёты иеромонах Варлаам. От многих жителей района слышала о нём только хорошие отзывы. И если кто-то нашёл дорогу к Богу благодаря встречам с этим человеком, значит, и сам он умеет найти ту тропинку к сердцу каждого прихожанина, по которой вместе идут в мир богослужения. Увы, далеко не каждый взрослый человек умеет найти путь, что ведёт к сердцу. Особенно страшно, когда такие тропки не проторены в школе. Вот и растут наши ребятишки с пустотой в сердце: не заполнилось ни дома, ни в школе. Кто знает, не это ли причина той жестокости, что порой демонстрируют подростки?

Поиск ответов на такие вопросы побудил меня пойти к отцу Варлааму (Эдуарду Попову) в Михайло-Архангельский храм для беседы. Он несколько смущен: «После признания меня “Человеком года” и сведений о награждении Патриаршей грамотой ко мне появился какой-то повышенный интерес. Честное слово, я себя очень неловко чувствую. Мне кажется, я совершенно обычный человек, у меня не столь уж высокие успехи, о которых можно говорить, и давать интервью в СМИ».

Тем не менее, мне хотелось узнать об этом человеке побольше – с ним просто очень интересно общаться. Дала ему честное слово, что не буду писать новые «Несвятые святые», а просто расскажу о его прошлом и настоящем.

Итак, республика Марий Эл, её глубинка, и посёлок Солнечный. «Это вроде нашего п. Горный», – уточняет мой собеседник. Отец – прапорщик в части, до сих пор, кстати, работает. Теперь уже в ранге служащего. Мама – работница детского сада. В этой семье двое детей: мальчик и девочка. Мальчик, как вы догадываетесь, – наш отец Варлаам. Но до этого статуса и сана ещё очень далеко. Пока – обычное советское детство, школа с 1979 по 1989 годы.

«Пионер, зарницы, походы, спорт – всё это в полной мере, – улыбается мой собеседник. – Я был очень подкован, с точки зрения коммунистической морали. Много лет был знаменосцем в школе, выносил в торжественные минуты знамя школы, что меня очень смущало. И вообще, я считаю, что у меня было счастливое детство, потому что там всё это вот было: и гордость, и сопричастность великим событиям, и слово Родина не пустой звук».

Вероятнее всего, он стал бы военным, всё к этому шло. Пошел бы по стопам отца. Но, играя в футбол, так прикипел к этому виду спорта, что появились успехи. Играл в школьной команде, потом в районной, в 9-10 классах участвовал и в республиканских соревнованиях в Йошкар-Оле по линии ДЮСШ.

В Йошкар-Оле проводились специальные турниры среди спортсменов по линии ДЮСШ, и, так, почти сам собой решился вопрос о дальнейшем обучении: спортфак педуниверситета города Йошкар-Олы, куда и пришёл бывший полузащитник из школьной команды.

Педагогом Эдуард себя не видел. Считал, что будущее уж совершенно точно связано с футболом. Когда они учились на первом курсе, на второй курс пришли из армии находившиеся в академическом отпуске студенты. Многие из них прошли к тому времени Афганистан и пользовались у первокурсников непрерываемым авторитетом.

Буквально перед началом обучения на втором курсе шла тренировка на футбольном поле. И... падение, травма с разрывом коленных связок, повреждением мениска. Затем длительное восстановление и осознание, что со спортом уже покончено. Без боли можно было ходить только по прямой.

На факультете доучиться, конечно, дали. Но футбол остался в прошлом. Хотя

все зачёты и экзамены сдавал, плавал, но именно как футболист уже стал неперспективен. К слову сказать, лет в 19 Эдуард был крещён, но, как он говорит, без фанатизма и особой веры. Имя при крещении ему дали Василий, поскольку Эдуарда в святцах не нашли.

Многие сокурсники достигли бы высот в спорте, но грянула перестройка, а потом развал СССР. Куда только ни рванули выпускники спортфака! Большая часть, к сожалению, ушла на «большую дорогу», в ракет. Границы открылись, свобода пьянила, бывшие спортсмены отправились в Венгрию, Румынию, Чехословакию. Каждый приходил в перестройке свои интересы: коммерция, «комки» и вымогательство вокруг всего этого. Но у иных она пошла совершенно противоположным путём.

Трое из университета ушли в священнослужители. С одним из них, Павлом Матвеевым, тогда ещё мирянином, и общался будущий наш настоятель прихода. «Мы сним много говорили, я стал ходить в храм. К тому времени уже отчётливо понял, что в спорте у меня нет никаких перспектив, а беседы о богословии всё больше и больше затягивали», – рассказывает отец Варлаам.

А началось всё, собственно, ещё на 4 курсе. Во время ведения предмета «Мировая художественная культура» преподаватель рассказывала о живописи эпохи Возрождения, европейской живописи прошлых веков, где было много полотен на библейские темы. К чести педагога, предмет свой она очень любила, картинам и сюжетам давала подробное толкование.

«Тогда я впервые услышал слова “Христос”, “рай”, “ад”, “демоны” и стал как-то немного по-иному воспринимать мир. Это и побудило к хождению в храм Воскресения Христова на Набережной. Рядом восстанавливали Собор, там нужны были рабочие руки, люди помогали в восстановлении».

С этого момента и началось восхождение к вере. Это был новый мир, с совершенно другими понятиями. «Начав приобщаться к теме православия в 1993 году, ни разу до сегодняшнего дня не встретил ни одного плохого человека. Наоборот, видел участие, любовь, понимание и прилепился всей душой к этим людям. Протоиерей Павел (Матвеев) служит уже более 20 лет, возглавляет отдел по тюремному служению, а тогда всё терпеливо объяснял. А потом, по инициативе Павла, поехал в Спасо-Яковлевский монастырь Ростова Великого. Настоятелем монастыря был архимандрит Евстафий».

Сначала был просто паломником, то есть жил на подворье, трудился на хозяйстве. Паломники жили – кто неделю, кто больше, доходило до полугода. И именно там у меня созрело желание посвятить себя монашеской жизни. И хотя я был в монастыре раза два, мне этого хватило для того, чтобы полностью утвердиться в этой мысли. Мои родные были, конечно, в шоке, полагая, что это какая-то блажь. Но потом, видя, что это твёрдое моё убеждение, мешать не стали.

Архимандрит Евстафий (будущий епископ Читинский и Забайкальский) как раз переводился в Читку. Он и предложил мне при-

ехать в Читку, послушать на благо церкви. Не будучи связан какими-то отношениями. Я собрался и поехал в 2000 году в Забайкалье. Первые месяцы был послушником в храме, посещал богословско-пасторские курсы (сейчас – духовное училище), постигая там основы богослужения. А ещё работал на архиерейском подворье в Лесном городке. Там был огромный огород, и трудились на нём будущие священники: игумен Софроний, отец Иннокентий. Будущие священнослужители выращивали овощи для епархии: баклажаны, помидоры, огурцы, картофель.

А потом отец Евстафий сподобил меня на постриг и совершил рукоположение на сан иеромонаха».

Проживая там, будущие священники ходили в храм, помогали отцу Андрею, батюшке храма в Лесном городке, проводить богослужения. А потом он направил молодого монаха в с. Улёты. Здесь к тому времени уже образовался приход с молельным домом. Занимался этим подвижническим делом В.И. Середин, который работу в миру совмещал с церковным служением. Поскольку у отца Андрея было много работы, иеромонах Варлаам остался в Улётах.

В 2004–2005 году началось строительство храма в с. Улёты, а в 2009 году её освятили. С 2005 по 2007 год отец Варлаам жил насельником в Спасо-Преображенском монастыре на Байкале.

Чуть позже началось восстановление Тагинского храма, и в 2007 году отец Варлаам получил назначение – быть настоятелем церкви в с. Танга. Там тоже существовали уже приход и молельный дом

О своей роли в появлении этих храмов иеромонах Варлаам говорит так: «Моего вклада тут вообще, можно сказать, и нет. Люди добрые предложили. Те, кто мог, пожертвовали средства, другую разную помощь люди оказывали. Это не мои инициативы, мне нечем похвалиться. Воскресную школу, организованную при нашем храме, предложили создать Н.С. Лесогор и Л. М. Алексеева. Строительство храма в Улётах было предложено В.Ф. Малковым. Много установлено Поклонных крестов – в Бальзое, Доронинском, Улётах. Но тоже по инициативе прихожан, – в Доронинском – А.С. Саревича, в Бальзое – А.А. Страмилова».

Я не строю планов, а живу реальными делами, потребностями. Бог даст, все замыслы богоугодные воплотятся. Если что-то надо делать, делай сегодня, а что потом Господь пошлёт – ему видней. И идеи, и людей посылает. То есть, всё, что у нас есть – это не от моих идей. Скажу одно совершенно точно – мне везло встретить людей добрых, искренних, отзывчивых. Я уже называл Виктора Ивановича Середина, очень много помог Владимир Семенович Лихунча, душой откликнувшийся на нужды нашего прихода.

К сожалению, ушёл из жизни Петр Петрович Хозеев, у которого я жил первое время. Непросто, неоднозначно прожил, но уверовал, покрестился, уже в зрелом возрасте. Искренне мне помогал в организации богослужений. Причем вера у него была, скажем так, на генетическом уровне, – один

из его предков по линии матери был архиепископом».

С момента первого приезда в Улёты минуло уже 14 лет. Отец Варлаам обучается заочно в духовной семинарии г. Хабаровска. Предметы там, как и в любом вузе, немало. И какие! Основными предметами считаются Священное Писание Нового и Ветхого Заветов, догматическое богословие, литургика, церковная история. Кроме дисциплин сугубо христианских, семинаристы изучают множество светских наук. Так, преподаванию древних языков (латыни, древнегреческому и древнееврейскому) может уделяться особое внимание, отечественная история, всемирная история, философия, психология и другие. Умение дискутировать читается на лекциях по риторике и ораторскому искусству, а на гомилетике студентов учат правильно составлять проповеди.

Получается, что человек, получивший диплом об окончании семинарии, является не только специалистом в области богословия, но и может разбираться в основных гуманитарных науках.

Идут люди в храм чаще всего когда «припрёт» – кто-то из близких заболел, что-то тяжёлое случилось в семье. Тогда идут поговорить с Богом. Как правило, эти люди – гости временные.

«А вообще-то Господь ведёт к вере, – считает отец Варлаам. – Человек верующий начинает чувствовать потребность в этом. Это – чудо, и объяснить, как и откуда оно возникло, сложно. Основным мотивом, является, на мой взгляд, осознание своей внутренней потребности в вере. Есть люди, назову их “идейные” христиане, они ощущают на себе действие благодати и перерождаются потом изнутри. Я рад, что у нас в районе много таких людей.

Неправы, кстати, те, кто говорит: “Не иду в церковь, потому что вижу там того или иного, в прошлом грешника”. Неправы люди, их осуждающие. Он и в церкви-то появился, потому что переродился внутренне. Не судите по-старому».

Патриаршая грамота, которой награждён отец Варлаам в минувшем году, вызывает у него, пожалуй, больше чувство растерянности, чем гордости за неё.

«Я не вижу в этом никакого подвига, такой же грамоты сподобился чуть позже красноярский протоирей Игорь Хованский. Я не считаю себя великим тружеником. Наоборот, думаю, что я самый что ни на есть рядовой, и во многом даже не зарабатываю. Например, у нас есть реабилитационный центр “Кедр”. Надо бы туда мне появляться, говорить с детьми, но не выкраивается пока времени», – говорит он.

Хотя, на мой взгляд, отец Варлаам значительно умаляет свою роль. Количество прихожан за годы его служения Богу увеличилось в районе вдвое. Количество венчаний не растёт на протяжении ряда лет (их 2-3 в год), а вот крещений побольше. И, кроме того, выезды на службы в селах Танга, Николаевское, на станцию Могзон. А ещё по всему Читинскому району наш батюшка помогает при проведении торжественных служб, поскольку назначен благочинным (старшим священником).

Позтому приятно осознавать, что у него много помощников в нашем районе: тех, кто преподаёт в Воскресной школе, занимается убранием храма, организацией служб: Б. Бухнер, С. Пляскин. Е. Патрин, Н.А. Шкуратова, Алевтина Григорьевна Патрина, «великая труженица, тёплая душа, которая свыше десяти лет безвозмездно пекла просфоры для храма», наши кочегары, за невеликую плату согревающие храм, – обо всех этих людях отец Варлаам рассказывает очень тепло.

И может быть, высокопарно прозвучит фраза, но именно к этому забайкальскому теплу тянет нашего Варлаама из Йошкар-Олы, куда он иногда вырывается. «Хорошо у нас там, дома. Леса, речки, озёра. Снега. Какие у нас снега! Когда половодье, кругом вода, лес в воде, только по мостам понятно, где река. Но, побыв дома, на малой родине, дня три, я вдруг понимаю, что мне надо домой, в Улёты, к моим прихожанам...»

Возвращалась я в редакцию в каком-то удивительном состоянии духа. В эпоху повседневной суеты, стремления успеть повсюду, храм, увы, у многих не стоит первым в этом списке. Но от мысли, что иеромонах Варлаам, которого каким-то провидением Божиим забросило в наш край, стоит на страже наших душ и помыслов, становится не так тоскливо и одиноко.

На мой вопрос, зачем всё-таки нужно такое монашеское самоотречение, иеромонах Варлаам ответил: «Я люблю видеть в глазах людей свет благодати, а не мрак».

Сожалее, что не пришёл в Храм с юности

Познакомилась я со своим собеседником, Борисом Бухнером, в процессе работы над статьей о подлинном и фальсифицированном мёде. Разговаривая по его профессиональной теме (он пасечник), касались попутно и многих других – Борис Гериевич очень интересный собеседник. Он – верующий. Причём, верующий крепко, убеждённо. Я полагаю, что его приход к вере обусловлен трагедией в семье, гибелью сына. Однако всё оказалось немного не так.

С его разрешения я расскажу эту историю. В юности он окончил Кокуйское училище и получил профессию пчеловода, как и его мама, кстати. А позже поехал учиться в Красноярский край (с. Рыбное) в техникум, на зоотехника-пчеловода.

«Вёл себя, как многие молодые студенты, жизнь веселая, разгульная и неизвестно, чем это всё бы закончилось, но я сильно заболел, – говорит Борис Гериевич. – Где только ни лечился! Прошёл разных врачей, специалистов, а толку ноль. Болезнь продолжала меня изматывать, и мне кто-то посоветовал: “Поезди по бабкам”. Нашёл знаменитых целительниц, экстрасенсов, и всё равно эффекта не было, выздоровление не приходило. И вот одна из бабок мне говорит, после своих наговоров: “Тебе бы покреститься. А потом сходи в церковь и поставь свечечку Богу”.

Я тогда молодой был, ни о Боге, ни о тёмных силах даже понятия не было. С тем и покрестился».

Недалеко от техникума был город Уяр, в котором имеется церковь. Там вот и покрестился Борис по настоянию знахарки из Читинской области. И буквально на другой день почувствовал себя лучше. Приехав в Читку, пошёл к старушке, сообщил, что всё сделал, как она велела. Она снова давай читать какие-то заговоры, а Борис буквально на глазах стал таять, болезнь снова вернулась. И мама Бориса, верующая, дала ему совет, за который он по сей день ей благодарен: не обращаться к знахаркам, а лучше обратиться к Богу.

С тех пор по ведуньям-колдуньям Борис больше не ходил. Боролся с поднадоевшей болячкой как мог. Обращался периодически к врачам, а о посещении церкви, о Боге и не вспоминал.

Прошло 14 лет. Много воды утекло. Появилась семья, росли два сына. От Черновского овощесовхоза под с. Черемхово была развезена пасека, хозяином которой он являлся долгие годы.

Жильё на пасеке вспоминает до сих пор, как яркий сон: поминутные хлопоты о пчёлах, лес, в котором стояли улья, который дарил и яркие краски, и дурманящие ароматы. Только вот семья не сложилась, супруга ушла, взяв с собой младшего сына, а старшего оставив ему на попечение. А маленько позже вдруг появилась у ворот дома, толкнула к нему и малыша, сказала, что ребёнок ей не нужен. Так и остался с двумя парнишками. Хорошо, что в Черемхово перевёз свою маму. Прикупили ей домик, и теперь ещё один небольшой островок спокойствия был недалеко, в селе – у мамы. Да и на пасеке она, профессиональный пчеловод, была подмогой.

Правда, сам Борис был далеко не ангелом, как признаётся он мне сейчас. «Безобразно себя вёл, – склоняет он голову. – И пьянка, и всё, что сопутствует этому. И тогда вот взял да и послушался материнского наказа – просто, чтобы не обижать её и проявить сыновье почитание – поехал в церковь».

Приехал в Читку в церковь. Это был 2001 год, церковь в городе была одна. И вот стою я 26 января на богослужении. Впечатление было не в пользу храма. Стыдно признаться, но мне всё казалось смешным – и голос священника, и песнопения на клиросе. И даже то, как люди молятся, крестятся. Стою там и думаю “Пофигу мне это всё надо?” А когда уходил из храма, свечница, приглядывавшая за его неумелыми попытками молиться, дала несколько экземпляров газет на тему православия. Я ведь даже не знал, как и когда кланяться, как правильно креститься.

Приехал из Читы домой, в Черемхово, пришёл на пасеку. А света уже нет, я зажёл лампу и стал читать, потому что в принципе очень люблю читать. А тут газеты свежие. И читая их, я вдруг обрёл какую-то уверенность, что мне обязательно нужно туда идти. Это был мощный толчок к вере.

Читая эти газеты в полной тишине, при свете лампы я понял, что есть какие-то высшие силы, ещё непонятные мне, и появилось знание, что Бог вероятно есть.

В 2002 году произошло событие, коренным образом изменившее меня на всю оставшуюся жизнь. Разговаривая с сыновьями, посетовал, что нужно почистить подгнивший сруб в колодце, а времени нет. И уехал. А мои пацаны решили помочь мне в моё отсутствие. Залез в колодец старший, Витя. Когда он перестал оттуда общаться с младшим, тот побежал за бабушкой. Почувывая беду бабушка хватилась, но поздно. Бросилась спасать старшенького, скользнув в колодец. И сама замолчала. Хорошо, младшенький сбегал за помощью. Потом спасли уже двоих. Старшенького не вернули к жизни. В глубоком колодце практически не было кислорода»...

Страшные, чёрные дни. Как казнил себя отец за этот разговор о ремонте колодца при ребятишках, как боялся даже глядеть в его сторону, как боялся потом даже дышать в сторону выживших сына и матери, опасаясь за их здоровье после того чёрного дня. Когда было 9 дней со дня смерти старшего парнишки, младший утром, в канун 9 дня, вдруг сказал ему: «А я сегодня Витьку видел, вот тут, в дверях. Будто бы летит над полом и говорит мне: “А Бог-то оказывается есть”, и перекрестился».

Если бы это сказал кто-то после разговоров на эту тему или просмотра каких-то фильмов, было бы понятно. А тут парнишка-несмышлёныш, который и телевизор-то практически не смотрел, не слыл набожным – не до этого было на пасеке. Эта история потрясла Бориса.

К тому времени застарелая болячка у Бориса никак не отступала. И он стал ездить в Читу, в Свято-Воскресенский Храм, где молился, просил у Бога помощи. В 2003 году узнал, что в Улётах есть домовая церковь, и есть священник, отец Андрей. Потом в Улёты приехал иеромонах Варлаам.

«Благодаря его духовному окормлению, наставлениям мы становимся другими. Через год человек, посещающий церковь, изменяется внутренне, и даже внешне, потому что помощь сверху, благодать Божья переделывает его, снимает всё ненужное. Становится неважно, есть ли у тебя те блага, которыми мы привыкли измерять свою жизнь: машина, украшения, дорогие одежды, важнее всего этого то, что у тебя внутри. Болезнь от меня ушла. Но есть одно сожаление, – вздохнул Борис. — Если бы раньше, в молодости, я знал, что Бог есть, моя судьба была совсем бы другой. Многих бед и неприятностей просто не было бы. Бог-то нас зовёт, а мы упираемся. Я вообще был агрессивен к разговорам о Боге. Такое говорил, что страшно сейчас даже вспомнить. Я жалею, что с юности не пошёл в церковь. Внука моего батюшка окрестил, когда ему было 40 дней. И когда он был позже, уже на причастии, посмотрел на бабушку, спрашивает “Баб, а кто с тобой рядом стоит?” А они одни стоят, никого рядом нет. Я думаю, видел он своего Ангеля-

Хранителя. То, что он у него есть, уже точно знаю».

В ответ на мой неверящий взгляд Борис начинает рассказывать: «Внук гостил у меня, занимаемся вместе в огороде с поливкой. Бегает, веселится как все дети. Мама его поехала домой, в соседнее село. И вдруг парнишка заметался: “Мама, мама!” Испугался я, спрашиваю, что случилось? Он просто бьётся, зовёт маму. И тут минуты через 4-5 звонок от невестки, а голос испуганный, до жути: “Мы только что чудом избежали аварии. Я даже говорить толком не могу”. И я убежден, что Ангел-Хранитель внуку подсказал про это, а, вероятнее всего, и отвёл беду от мамы.

Второй случай: снова гостил он у меня дома – родители-то работают оба, и внучата часто у меня и у мамы моей. Собираю его домой везти, вместе с невесткой. Он ни в какую: “Не хочу, деда! Давай я тут останусь”. Уж как упрасивал, а невестка настаивала, мол, поедem вместе. Повёз я их домой. Привёз, а он из машины не хочет выходить. Заупрямился и всё тут. Хоть и послушный мальчишка. Невестка рукой махнула: “Ладно, езжайте к вам”. Приехали домой и почти сразу звонок: “Беда у нас! Заберите меня”. Там, в городке, в этот день и впрямь случилась беда, и я просто счастлив, что внучок этого не видел. Оградили его Ангелы-Хранители.

Вот почему я всем, у кого детишки есть, рекомендую – окрестите своих малышей, чтобы их защищали и небесные силы. Да и сами не забывайте дороги в Храм. Нет ничего крепче материнской молитвы.

Первая исповедь меня не страшила. Иду и думаю: на фига мне это надо? Чувствовал ненужность этого дела. Пришёл и не знаю, о чём говорить. А батюшка спрашивает меня: “В карты играл? Выпивал?” И так меня выпотрошил, что стало мне потом легко. Память чистая, светлая. Таинство исповеди завершается тем, что батюшка возлагает на голову кающегося епитрахиль и произносит разрешительную молитву. После этого исповедовавшийся целует лежащие на аналое Евангелие и Крест. И на душе появляется то, что я теперь называю Благодать Божья.

Одна моя знакомая прихожанка говорила, что когда рассказала батюшке всё на исповеди, и он укрыл её в конце епитрахилью, ей показало, что перед глазами возник взрыв огромного шара грязи. То есть Господь очищает нас от грязи, которую мы копили годами в своём сердце. Лукавый именно этим и пользуется: мы прячемся за свой стыд, боимся идти к батюшке, исповедоваться в своих грехах, а это и на руку лукавому. Вот и зарастаем грязью, как в болоте затягивает.

И, поверьте мне, это излечивает от многих недугов. К слову сказать, бабки-знахарки (ходить к которым по церковным правилам большой грех, поскольку в этот момент ты отворачиваешься от Бога), понимая свою невозможность исцелить недуг, отправляют страждущих в церковь – покрестись, поставь свечку, выдавая потом побуду над нездоровьем за свою. Хотя, вообще-то, это благодать Божья сходила,

исцеляя. И вот сейчас я уж понимаю, что если мне неуютно, бесприютно – это значит, что мне нужно на исповедь. После этого совершенно по-другому смотришь на мир. Ясными чистыми глазами видишь решения каких-то проблем. И жизнь уже не кажется страшной и беспросветной.

Не скажу, что лично мне были видения, подтверждающие наличие божественного, но одно знаю точно. Я верую, и в вере у меня теперь потребность. Я прислуживаю батюшке по время богослужения в алтаре, помогаю. И есть вещи необъяснимые. Хотя, быть может, именно и объяснимые – Его присутствием. И именно он помог мне справиться со многими пороками, которым я был подвержен.

Так вот, в алтаре нет времени, там есть только бытие. Простите уж за высокий слог. Там присутствует Господь. О чём я только его ни просил! И он помогал мне. Приведу пример. Сын одного из моих друзей из Читы, сотрудник полиции, служил в “горячих точках”. И меня попросили молиться за него. Я молился, вставая на колени за него. Вернувшись домой, он рассказал родным о некоторых странных для него моментах, и сказал, что чувствовал помощь свыше. И ничем иным, кроме как молитвой, Божьей помощью я этот парадокс объяснить не могу».

Что ещё можно сказать о Борисе. В 2003 году во время лесного пожара сгорела пасека под Черемхово. Хорошо, что у матери был домик в селе. И Борис перебрался с сыном туда. Вера, обретенная им в те тягостные годы, спасает. С 2000 года семья распалась, жил с матерью и сыном, 15 лет был один.

– И вдруг, – улыбается он, – я понял, что хочу быть женатым. Хочу, чтоб у меня была семья, всё то время, которое будет ещё мне отпущено. Рассказал о своей мечте сыну. Тот понял, сказал, что не хочет мешать моему желанию обрести семью. А кандидатки на жену ещё и в помине не было. Думаю, может, в Чите встречу или в Улётах. И молился: помоги мне её увидеть, укажи, подай мне какой-то знак. И вот однажды в Танге одна прихожанка попросила у меня подмор пчелиный. Я его собрал, а его или заморозить, или сразу в настойку. Звоню ей, спрашиваю, как лучше. Она говорит, что вообще-то срочно нужно, и я повёз. В доме она меня покормила, напоила чаем. Мне так понравился уют и её угощение. Смотрю, два мужчины в доме, больные. Оказалось, её братья, нуждаются в уходе. А мужа нет. Поехал я домой, и не успел добраться – звонок от неё: как я доехал? И так стало тепло на душе от мысли, что обо мне вдруг позаботился незнакомый мне человек, да ещё и женского рода. Так вот Господь на неё и указал. 11 февраля 2015 года батюшка нас обвенчал».

И такая у него на лице улыбка светлая при воспоминании о своей указанной сверху попутчице, что мне остаётся только пожелать им подольше быть рядом.

Благодарна Борису Гериевичу за встречу. Не каждый решится на разговор о сокровенном, но вдруг это кому-то поможет сделать важный шаг в жизни.

«ГРЕХ СТАРИТЬСЯ И ПОМИРАТЬ»

(из цикла

«У всех своя дорога к Богу»)

Не зря, услышав когда-то от Бориса Бухнера короткую историю из жизни его матери, я загорелась с нею побеседовать. Во-первых, было интересно уже тем, что она – профессиональный пчеловод. Я знала мужчин-пчеловодов, а женщин – нет. Во-вторых, до сегодняшнего дня она продолжает потихоньку этим заниматься, хотя ей через пару лет уже и восемь десятков стукнет.

Первый раз увиделась я с нею почти два года назад, расстроилась. Болела она крепко, грипповала, показалась мне совсем старенькой. Думаю, и не поговорим, пожалуй. Оказалось, картинка обманчивая была. Грипп моложе никого не делает, и в тот раз моё впечатление о возрасте было обманчивым.

И вот, наконец-то, встреча состоялась. Увидев машину в окно, она выскочила за ворота встретить меня. Худенькая, шустрая, как школьница. И одежда под стать: синее платье, под ним белый свитерок. И вот эти рукава белые и воротничок, озорная челочка из-под белого платочка и вовсе меня с толку сбили. Думаю, её ли я прошлый раз видела на кровати?

Потом, когда разговорились, поняла её самый главный секрет. «Поменьше в доме сидеть, побольше на свежем воздухе. Только потеплеет на улице, меня домой не загнать. Мне хочется быть там, а тут потом, к зиме порядки наведу, — смеётся она. — Краше нашего Забайкалья ничего нет. Грех стариться и помирать, вон сколько ещё дел не сделано. И главное – благодарить Бога за то, что мне довелось жить в Забайкалье».

Путь в Забайкалье девочки из Поволжья был очень долгим. Я слушала этот рассказ очень долго и ловила себя на мысли, что этот путь можно смело разделить на три-четыре человеческих судьбы – столько всего в нём было.

Родилась Мина Алоизовна на Волге, в Саратовской области, в семье этнических немцев, проживавших в немецком округе. Фамилия Бухнеров давняя, ещё с екатерининских времён завезённая в Россию. «Большая семья была у бабушки, – вспоминает Мина Алоизовна, – 17 человек! По воскресеньям все ходили в католическую церковь». С тех самых лет и она сама считает себя верующей – бабушкины уроки не прошли даром. И в доме у Бухнеров мирно соседствуют православный и католический уголки с простыми иконами (непосвященному и не понятию, чем они отличаются). Среди изображений святых есть и покровитель моей героини – святой Алоизий.

Родилась она в 1940 году. Как немецкую семью миновали репрессии 1937 года – одному, наверное, Алоизию известно. При той шпиономании и поголовной «контрреволюционной деятельности» семьи Бухнеров

вполне могло бы уже не быть к сороковому году. И не было бы этой девочки в помине. Но, видать, Богом был предначертан другой путь.

Полыхнула июньской ночью война, всех зацепила, по всей России-матушке. А вот «русских» немцев – другим боком. В одночасье загрузили всех немцев из посёлка на машины и – на выселение. «Мама тогда беременная была, да нас двое – я и моя старшая сестрёнка. Нас привезли в Новосибирскую область, в Барабинские степи, в деревню Ольгино. А наших бабушку и дедушку увезли в совхоз «Юный Пионер». Голая степь. Отца сразу же забрали в трудовую армию на добычу полезных ископаемых, – тихонько подступает она к страшной теме. — Ни света, ни фельдшера, ни магазинчика какого, ни леса. Длинные бараки, метров через десять двери. И в каждой клетушке жила семья. Кроме нас, немцев, жили русские, звали их кацапы. Туда же завезли эстонские семьи. Молчаливые, напуганные. Помню, в одной семье была старая-престарая бабушка. И всё вот думаю, чем властям старая-то помешала? Чем она могла навредить? Она всё время сидела и плакала потихоньку.

Здесь, на выселках, мама родила мальчика, нашего братишку. Разболелись мы с сестрой, да и все кругом болели цингой. Откуда-то нашли медсестру, и она сказала, что детям обязательно нужно есть лук и чеснок, а то останемся без зубов. Мама собрала полушалки, какие-то платья, покрывала, что везла с родины. Завязала узелок и пошла на пару с подружкой до райцентра. Три дня шли туда пешком. И эти все свои ценности она сменяла рынке на килограмм лука и килограмм чеснока.

А братишка-крошечка наш без мамы заболел и умер. Гроб не с чего было сделать, завернули его в коробку и похоронили. Мама после этих событий сильно заболела, её увезли в больницу. В восемнадцати километрах от Ольгино жили дедушка и бабушка наши. Дедушка приехал на быках, нас забрал с собой».

Выделили детям в посёлке «Юный Пионер» землянку. Она была крыта дерном, пола не было, земля. Дождь идёт, с крыши капает. «Тараканы, мокруши, вши. Как нас там не порешили эти все насекомые? – удивляется Мина Алоизовна. – Кто-то принёс нам большое одеяло, сильно порванное. Латать нечем было, но всё равно, не на голом полу спать. Мы им укрывались, спасаюсь от промозглого холода. Бабушка с дедушкой жили в отдельной землянке, а мы в этой стали ждать маму.

У мамы была подружка русская, даже имя её сейчас ещё помню – Таня Мишина. Она пришла к бабушке и говорит: «Поеду я, проведу я её, может, передать что-то Марии?» А тогда и свиней держали, и других животных, только вот подчистую всё забирала на налог. Бабушка положила горбушку хлеба и кусочек сала в котомочку, больше и положить нечего было. И подружка уехала. Лежим мы с сестрой, разговариваем, не спим. Мечтаем, папа бы пришёл да мама...»

Мина Алоизовна отворачивается к окну, смотрит в безмятежное забайкальское небо, залитый солнцем огород. А видится страшное: «И вдруг какой-то гром, будто цепи упали! Перепугались мы. Утром деду рассказываем. Тот помрачнел и говорит: «Собирайтесь!» А вечером приезжает Таня обратно, подаёт нам узелок виновато и говорит, что мама умерла».

Молчим какое-то время. Ругаю себя за ненужные, наверное, уже вопросы, а она всё ещё переживает тот страх и ужас двух маленьких девочек, оставшихся в этой степи без отца-матери. Но и это не всё, что было уготовано ей.

«Везде были проблемы. Забрать её из больницы и это проблема – 25 км от посёлка. Папина сестра попросила лошадь в колхозе. Кое-как нашли там маму по записке на ноге. Тётя по косе её искала, а косу-то остригли. Забрали, повезли. Когда ветер попутный, лошадь остановится и не идёт. Измучились! Хорошо, председатель соседнего колхоза остановился, помог довести её в поводу».

С приходом из трудовой армии отца жизнь девчат не изменилась. «Вымотался там, большой весь. Чудо, что там не умер с голоду. Жизнь там как в концлагере была. Вскорости он умер, а потом и дедушка умер. Осталась одна бабушка», – рассказывает Мина Алоизовна.

Бабушку забрал к себе её старший сын, и вместе с бабушкой туда перебралась и маленькая Мина. «Два года там проучилась, в шестой класс там ходила. А потом, после окончания школы, два года пасла овец в совхозе. Потом тётка Анна позвала в Казахстан. Сколь, мол, тут будешь за трудодни работать, баранов пасти?»

Поехала Мина с нею в далёкий Казахстан. У тётки четверо сыновей и, по её признанию, девчонка-помощница была нужна. Но в Казахстане возникли проблемы с жильём. Деньги за дом отдали чеченской семье, а те не съезжают. Чечены тоже были из репрессированных. Огромная семья была и у тётки, и у чеченцев этих. А потом ещё одна родственница узнала, что живут они на птичьих правах, своего дома нет и забрала к себе, в Киргизию. Сделали девочке на новом месте жительство паспорт, и стала она, наконец, полноправной гражданкой нашей Родины.

Работала в то время в совхозе на сахарной свекле. Полтора гектара на душу надо было обработать. «Она всходит густо, её надо проредить. Жара! Нос облезет, кожа сгорает. А платили 8-12 рублей в месяц. А потом устроилась работать в животноводство и 4 года проработала там. Ухаживала за быками. Здоровые, упрямые. Раздача корма, уборка навоза – всё, конечно, вручную. Быки стояли под навесами. Помещения не было, зимы относительно теплые, всего минус 20. Но все дни только в резиновых сапогах, невзирая на погоду».

С семьёй не заладилось с самого начала. Пошла со своим избранником регистрировать брак, а у председателя сельсовета случились похороны. Отложили регистрацию.

А потом поняла, что лучше уйти – не очень ласково муж обходился с молодой женой, издевался. В 1960 году родился сын, но она даже не стала подавать на алименты. Малыша растила одна, оставив ему свою родовую фамилию.

Подросток сын, а школа за 12 километров. Вся душа изболелась за дальнюю дорогу. Провожать и встречать времени не было. Окончил парнишка первый класс. И она стала искать выход из этой ситуации – больно уж страшила дальняя дорога в школу. И вот в одной из газет нашла объявление, что винный совхоз и завод шампанских вин в Таджикистане нуждаются в рабочих. Собралась и поехала вместе с сыном. Очень уж хотелось отвыкнуться от быков, от грязи на скотном дворе. Насобирала денег на дорогу, а с собой – ни гроша!

Переехали в Таджикистан. Там все рабочим рукам обрадовались. Но даже остановиться было негде. «Стоим возле гостиницы. А женщина оттуда приглашает переночевать. Я ей говорю: “Денег нет”. “Так ночуйте”, – затащила она их в гостиницу. Назавтра снова пошла Мина обшивать пороги руководства. Начальник винзавода удивляется: “Ты безумная? Ехать с ребенком, без жилья, без знакомых? Давай свою трудовую книжку”. Посмотрел, обрадовался: “Так ты животновод? Езжай к нам в подсобное хозяйство дояркой, вот там квартира есть”.

Так от киргизской телятницы выросла Мина до таджикской доярки. Но зато квартира и впрямь была, правда абсолютно пустая. Постелила Боре в углу пальто, сама устроилась рядом. А ночью изо всех щелей полезли огромные крысы. Так и не спала полночи, караулила сына. Утром пожаловалась приехавшему зоотехнику на крыс. Тот привёз ей отравы, известные, порекомендовал навести порядок в доме. А тут как раз скотник заболел. Зоотехник попросил ночью покараулить коров. А утром ни свет ни заря приехал на мотороллере, всё-таки чужому человеку доверил. «А у меня всё в норме, чистота, животные обихожены. Он похвалил меня и спрашивает: “А чего ты такая бледная? Еды нет?” И дал рубль. Набрала я три булки хлеба и наелись мы с сыном впервые за эти дни.

Потом уже платили зарплату по 60 рублей. Мы и курочек завели, и корову. Наелись и молока, и яиц. Конфет, сладостей, колбасы какой, конечно, не видели, но были уже сытые, по сравнению с прежними этапами жизни это был, пожалуй, самый сытный и спокойный. Хотя физически, конечно, трудно.

Шесть лет проработала я там дояркой, ухаживая за группой в 18 коров. Боря учился в школе, за полтора километра от дома. Там преподавали русский, таджикский, английский. Соседи были хорошие, она таджичка, а муж – узбек. Ребятишек четверо, и мы очень дружили с ними.

Спустя шесть лет приняли на работу мужчину. Он всё присматривался ко мне, а потом мы решили создать семью. Поехали в ЗАГС расписываться, а он оказался прописанным в Забайкалье.

— И нас не расписали с моим Владимиром Николаевичем», – смеётся Мина Алоизовна.

А я сижу и думаю, – может, это откуда-то свыше такой знак был, чтоб сохранила она свою немецкую фамилию, свои корни немецкие? Живой ведь осталась бухнеровская история, которая началась в России ещё с времён Екатерины.

Мина Алоизовна продолжает свой рассказ: «Был мой избранник родом из Забайкалья. Позвал его, говорит, солдатик – дембель в Таджикистан, он и рванул с ним за компанию. А там затосковал по своим краям и однажды принял решение: “Поедем домой, в Курорт Дарасун”. Зимой он уехал, а я летом, дав Боре доучиться до конца учебного года. Он уже оканчивал 7 классов. Распродав свои пожитки и хозяйство, переехали мы в Забайкалье. Вышла я в Дарасуне на улицу из машины и диву даюсь: мне показалось, я попала в рай. Всё кругом зеленое. После вонючих ферм воздух чистый, удивительный, не надыхаться! Пошла работать в военный санаторий посудницей.

Было мне к тому времени 33 года. Боря окончил в Дарасуне 8 классов, пошёл в девятый, а тут ему приглашение приходит из училища, где готовят пчеловодов – он туда запрос отсылал. И в октябре он уехал в училище. После окончания училища Борю распределили в Черновский совхоз на пасеку. А пасеку вынесли к селу Черемхово, стали там строить жильё. Сын пригласил нас к себе, чтобы на пасеке жила семья. Я сначала отнекивалась, а сын говорит: “Мам, ты хоть тут отдохнёшь. А то всю жизнь работаешь, как ишак”. Приехала я на пасеку. Была ранняя осень. Пошла от домика к речке Черемховке по воду. Потом возвращаюсь, взглянула на окрестности. И, поверите, плакать охота: такая красота! Осины, берёзы, сосны. Красота неопишечная. Хотя мы в Таджикистане видели красоты, тосковали по ним первое время, даже хотели обратно из Курорта Дарасуна уехать: там и поля маков, и горы, но с Забайкальем ничего не сравнить.

Бориса взяли в армию. И вот однажды отправил меня начальник Черновского совхоза учиться на пчеловода. Надоели, говорит, мне алкаши-мужики, грешить с ними! Езжай и учись. Я ему: “Какой из меня студент! Там же дети, а мне скоро 40 лет!” Езжай, говорит, мы тебе стипендию оплатим, по направлению от совхоза». Так в 36 лет стала Мина Алоизовна студенткой училища, где готовили будущих пчеловодов.

— Приехала после училища, и меня направили на пасеку. А там два года отработал сын, Борис, который в это время служил. Легла я спать, раздумалась, страхи одолели. Думаю, а вдруг заболеют пчелы, перемрут, меня ж посадят! Уснула кое-как. И снится мне сон: будто из труб омшаника вылетают трутни. Испугалась, думаю, что и пчелы сейчас полетят. А тут за ними вылетает матка. Да такая длинная, красивая. Я говорю: «Какая же ты красивая!» А она мне говорит: «Это я ещё не плодная!» –

и оба моих собеседника, мать и сын, весело рассмеялись над вещим сном.

Сколько потом пчелосемей у них там родилось – и не пересчитать.

— Где-то до 540 пчелосемей развели. Хотели довести до 600 пчелосемей, чтоб больше мёду давали. А я воспротивилась: «А где кормовая база?». Наш мёд славился. В начале 90-х годов его даже отправляли в Японию. Этот мёд был как разменная монета, как бартер. И до сих пор в церкви в Чите встречаюсь с женщиной, которая заказывает мёд только от нас. Помнит, что наш был самый вкусный.

Тут и Борис Бухнер, не удержавшись, начинал рассказывать о своей работе: «Я-то пчелами заболел ещё во втором классе, в Таджикистане. С мамой ездил в то время на пасеку, контролёром, смотреть, как снимают мёд, фиксировать его количество. И вот до того я в пчёл влюбился – не высказать! Они мне просто снились.

И спустя какое-то время меня стали отправлять на пасеку уже одного, помогать. Я сам там крутил рамки с мёдом и выполнял обязанности контролёра. В седьмом классе меня уже отправляли в ночь помогать грузить пчёл. Еду, бывало, ночью, на машине с ульями. Пчелы нажалат, а с машины ведь куда не убежишь. И всё равно счастлив! Потому, приехав в Забайкалье, я и подался в училище на пчеловода. И до армии два года уже отработал на этой пасеке, где меня потом заменила мама.

И по сегодняшний день она моя верная коллега и напарница. Она помогла вырастить детей, нянчит внуков и, по сути, большая часть забот сегодня на ней, так как у меня очень “разъездной” характер работ. Я счастлив, что она у меня до сих пор есть, что она меня выручала сотни раз в этой жизни, спасала и оберегает и сейчас».

Что ещё рассказать об этой удивительной женщине. Посчитать, сколько случайностей привело её в подсобное хозяйство Таджикистана, и какой очередной финт выкинула судьба, направив её сначала в Дарасун, а потом на пасеку возле Черемхово?

Наверное, только добавить, что она не потеряла в глазах свет и искренность. И порою, во время её рассказа, я вижу не женщину в возрасте, а смешливую девчонку. Диву даюсь, как удалось ей, на десять рядов перекрученной и перемолотой в суровых жерновах истории, оставить в глазах эти детские искорки. Что их помогло сохранить? Чем подсластила горечь сиротского детства жизнь? Таджикскими маками? Забайкальем, в которое она влюбилась, как в самое красивое место на Земле? Мёдом – волшебным, целительным даром, который волею счастливого случая достался ей? Не знаю. Знаю одно. Рецепт счастья у Мины Алоизовны – побольше быть на солнце и радоваться тому, что живёт она в Забайкалье.

